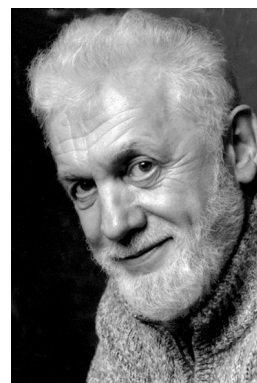

УДК (113/119:159.955:304)(6)

Андреев И.Л.

Связь формирования представлений о пространстве и времени с генезисом собственности и власти (на опыте изучения африканских социумов)

Андреев Игорь Леонидович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ФГБНУ Институт философии Российской академии наук

E-mail: iglandreev@mail.ru

Данная статья представляет собой опыт философской антропологии, что позволило автору вплотную подойти к выявлению роли и значения пространственно-временных представлений как естественно-биологических предпосылок ключевых социальных институтов собственности и власти.

Ключевые слова: пространство, время, пространственно-временная ориентация, восприятие водных поверхностей, эволюция восприятия и демаркации пространства, собственность, власть, Африка.

Исследования последних лет дают все больше подтверждений тому, что фундаментальным свойством нервно-психической деятельности является ее пространственно-временная ориентация, адекватная физической картине окружающего мира. Поэтому распределение функций между полушариями в процессе генезиса церебральной дихотомии головного мозга опосредуется через пространственно-временные факторы, а палеоантропология гармонично стыкуется с этнологией народов, сохраняющих традиционный образ жизни.

Наблюдения автора в процессе научной работы в 15-ти африканских странах (1962–2010 гг.) приводят к мысли, что генезис пространственных представлений исходно связан с восприятием водных поверхностей как зримой природной двухмерности, достаточно стабильной в своих очертаниях и выступающей неперенным условием любых форм биологической жизни. Вместе с тем, вода выступает наиболее явным фактором демаркации пространства и его специфической формой, а тянувшийся из недр зоологического прошлого *образ воды* уже в первых мифах ассоциируется с устойчивостью, константностью мироздания, женским началом, дарующим жизнь всему сущему.

Напротив, толчок к увлечению и последующему закреплению в лабильной психике наших (еще во многом зоологических) предков временных ритмов, циклов и иных параметров окружающего мира и собственной жизнедеятельности дал огонь. Трепетно-нервное, притягательно-изменчивое, волнующе-динамичное пламя костра околдовывало их. Животные бежали от огня. Пращур его приручил. Но огонь, будучи источником повышенной опасности, не только даровал свет и тепло, но и диктовал определенный ритм совместной и наперед рассчитанной деятельности по его поддержанию. Не исключено, что именно огонь пробудил новый статус левого полушария. Характерно, что мифы об огне гораздо моложе, нежели о воде, причем сам огонь неизменно коррелирует с образом мужчины.

Эволюция восприятия и демаркации пространства

Более древнее в эволюционном смысле правое полушарие отражает и регулирует пространственные взаимоотношения, в которых поначалу утопает слабо и смутно дифференцированное соотношение процессов и их стадий в синхронно-асинхронном и причинно-следственном аспектах. Таким представляется пространство многим из африканцев. «Дном» его зримо выступает земная поверхность и ее рельеф, «крышей» – небо и бесконечный космос, а невидимыми и в принципе раздвижными «стенками» – естественные границы обитания (первоначально главным образом – водные), хозяйственной и ритуальной деятельности, либо территория, занятая соседями, притязания на которую почти неизбежно связаны с обоюдным выяснением отношений.

Именно правая часть коры отражает плоскостные и вертикальные взаимосвязи предметов, доминируя над другими разновидностями реальных зависимостей и противоречий, плотно перекрывая их тянущимися из зоологического мира "территориальным императивом" борьбы за жизненное пространство и адекватное видовое освоение последнего. Действительно, изменение образа жизни наших предков требовало новых форм ориентации в окружающей природе и, прежде всего, в своей экологической нише. Ее пространственные параметры становились все более обширными и разнообразными. Пространство, как арена жизнедеятельности, было зримо, осязаемо, обоняемо, часто слышимо, то есть, доступно чувственному восприятию, опиравшемуся на старые структуры мозга, подвергавшиеся, однако, в процессе эволюции существенной коррекции со стороны новых зон неокортекса.

Освоение прямохождения открыло пращуру новые среды обитания. Обоняние стало уступать былые позиции развитию зрения, без чего не могли бы столь эффективно действовать удивительно полифункциональные руки, освобожденные от участия в передвижении. Ключевую роль сыграла дифференциация правой и левой

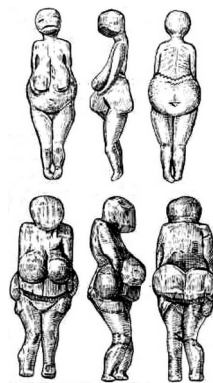
рук (начисто отсутствующая у обезьян) и ее совокупный эффект, названный феноменом Сеченова, специализация зрения, слуха и голоса, дифференциация исследовательского и непосредственно жизнеобеспечивающих инстинктов, различение преобразуемого предмета и средства воздействия на него, отражение в психике складывающегося разделения все более различающихся форм жизнедеятельности, включая стадное и индивидуальное, инстинктивное и адаптивное поведение и т.п.

В изначально нерасчлененно-целостном мире, благодаря развитию центральной нервной системы, постепенно проступало конкретно-дискретное многообразие земной поверхности и расположенных на ней, либо движущихся по ней симметрично-асимметричных предметов, адекватное представление о которых имело важное значение для выживания вида. По мере возрастания деятельностного потенциала новой биологической популяции, окружающее пространство расширялось, разнообразилось, все более тесно срастаясь с формирующимся социумом. Изначальное восприятие двухмерности обитаемой территории (саванна, пустыня) постепенно сменялось осознанием трехмерности жизненного пространства (пещера, лес, горы). Маршруты охоты и собирательства, поиски и освоение удобных природных ниш для стоянок, ночлега, раздела и хранения добычи, орудийная деятельность и сбор группы для совместного времяпровождения – все это включало в себя освоение пространственных отношений окружающей среды и предпосылки их изменения, реконструкции, структурирования.

Первоначально нерасчлененное ощущение (чувство) пространства (как и времени) постепенно раздваивалось на *экологическое* и *структурное*, то есть относящееся к природным и социальным процессам или к естественным ландшафтно-экологическим декорациям антропосоциогенеза и искусственным конструкциям, создаваемым на их основе. Скажем, пещера – естественное пространство, созданное карстовыми водами, тектоническими сдвигами, выветриванием горных пород. Искусственным пространством она становится, когда в ней ищут и находят регулярное укрытие от непогоды и хищников, разводят костер, хранят добычу и готовят пищу, кормят детей, стариков и тех, кто во время охоты был занят другими, важными для остальных делами, отдыхают, принимают роды, исполняют охотничьи танцы и другие обряды, наносят на стены знаки и рисунки. Рождавшаяся на стенах пещер графика – остановленные навеки движение и экспрессия, символ социальности, фрагмент первичной эстетики, истоки культуры, представляла собой рефлексию пространства, место в нем людей и животных, еще сросшихся в *проясняющемся сознании*. Палеолитические Венеры с ярко выраженными признаками способности к детородной функции – свидетельство прочного освоения трехмерности пространства и закона подобия сложных объемных форм.

Всадники. Живопись. Эннеди, Чад. (Источник: Мириманов В.Б. Искусство тропической Африки. М.: Искусство, 1986)

Палеолитические Венеры

Женщины койсан

Углубляющееся разделение земного пространства на *естественное* и *искусственное* – принципиально важная веха не только в судьбах биосферы, но и в становлении ноосферы – сферы разума. Иными словами, «чувство пространства» и территориально-ландшафтный кругозор долго оставались (а в природных цивилизациях остаются до сих пор) необходимой предпосылкой более глубокого внедрения в свою экологическую нишу и освоения других ландшафтов, ресурсов, форм присваивающего хозяйства. В мандингском эпосе¹ XIII в. основатель империи Мали Сундьята стремится не к уничтожению во что бы то ни стало кровного врага Сумаоро, а к его изгнанию и возвращению клановой территории. Так же нередко поступали зулусы. Окружая противника, они оставляли ему единственную тропу для бескровного отступления и освобождения территории, явившейся предметом войны.

Вместе с тем, доминанта пространственных отношений

Атака зулусов. Английская гравюра периода Англо-зулусской войны (1879)

¹ См.: Сундьята. Мандингский эпос / Предисл. и прим. Д.А. Ольдерогге. М. – Л.: Художественная литература, 1963; Niane D.T. *Soundjata ou l'épopée mandingue*. Paris: Présence Africaine, 1960. Мандинго (также известны написания термина: мандинка, мандингас, малинке, малинка, маненка, манденка, манденга, мандинко) – термин, относящийся к описанию группы народностей, живущих в Западной Африке – на юге Гамбии, севере и северо-востоке Гвинейской Республики, западе Мали, в Республике Кот-д'Ивуар, Сенегале и Гвинее-Бисау и говорящих на языке мандинка семьи манде нигеро-кордофанской макросемьи языков. (Прим. ред.).

неизбежно ограничивает активность индивида рамками его личного и группового (по рассказам, рисункам, знакам реконструируемого) опыта. Холистически целостная яркость и четкость однажды выделенного ландшафта, предмета или пройденного маршрута забивает тенденцию абстрагирования от деталей, неизбежного при вербальном общении. Когда в африканской глубинке спрашиваешь местного жителя, как найти дорогу куда-либо, то обычно получаешь столь подробно развернутый ответ, что не в силах его ни запомнить, ни записать. И тогда, сжалившись над тобой, тебе называют специфический ориентир с советом найти там кого-то, кто укажет, как идти дальше... В эфиопской провинции Гаму-Гофа мне довелось беседовать с добровольцами-курсантами, из которых готовили организаторов деревенских отрядов самообороны (это был период сомалийской агрессии) и санинструкторов. На мой вопрос, каково расстояние от их родных деревень, ответ обычно гласил: девять дней, четыре дня и т.д. Исторически первой формой «цивилизованного» пространства было жилище. Исходная функция любого природного укрытия или сооружения на его базе жилья – использование естественной, а затем и искусственной микросреды путем отделения замкнутого, специально оборудованного пространства от остальной (потенциально враждебной) внешней природы с целью обеспечения требующихся организму комфортных условий выживания и воспроизводства. Укрытие и площадка перед ним были обычно местом приготовления и потребления пищи, лечения, приема родов, изготовления орудий и оружия, обучения навыкам пользования ими, передачи накопленного многими поколениями социального опыта, осуществления организационно-планирующей деятельности, психологического общения различных половозрастных групп, аккумуляции первых знаний, создания произведений искусства, усвоения навыков морали. Здесь же обычно хранились вода и огонь, заготовленные впрок и на случай голода продукты собирательства и охоты, белила и охра, орудия и материалы, в частности, камней, годных к употреблению и для обработки, а также костей животных, используемых в качестве орудий и топлива.

Принципиальная схема обустройства или сооружения любого укрытия предполагала приспособление естественных особенностей рельефа (гrotтов, скальных навесов, ям, пещер) и флоры (поваленных или наклоненных деревьев, «стены» кустарника), затем их искусственное конструирование с учетом характера климата и ландшафта (речных террас, холмов, равнин, низин, предгорий), наличие подручных строительных материалов (камней, бревен, дерна, шкур, костей крупных животных, веток). Словом, для генезиса жилища характерно использование естественных навесов, grotтов, пещер, а также создаваемых по их подобию легких простейших укрытий разного типа. Причем, в природных нишах и полуниах подчас имитировался ветровой заслон из веток, деревьев, камней, шкур, а место ночлега специально выравнивалось.

Вместе с тем, уже самое примитивное первобытное укрытие создавало замкнутое пространство не только физически, но и психологически. Индивиды становились ближе друг к другу. Каждый из них мог теперь более пристально смотреться в Другого как в своего рода социальное зеркало. Так на плечах естественно-биологических процессов борьбы за выживание вида как бы исподволь создавались предпосылки качественно иной, нежели в рамках былой стадности, эмоционально-чувственной, житейской притирки друг к другу, чем-то напоминающей палеолитический вариант феномена психологического вхождения индивидов друг в друга, самоотдачи себя Другому и получение его «в обмен». В результате происходила постепенная выработка (в том числе в результате действия группового естественного отбора) норм совместного общежития.

Словом, вырванное из «дикой» природы жилое пространство, в котором и вокруг которого происходила «централизация жизнедеятельности», становилось местом завязи социальности, становления коллектива, сохранявшего долгое время преемственность с вытесняемой им стадностью. Искусственное пространство отодвигало наших предков от зоологического окружения за его пределы. Их жизнедеятельность разделялась на две различные стратегии индивидуального и группового поведения. Функцию развития в сторону социализации «пещерных» взаимоотношений, в связи с их отличием от стадности по характеру и перспективам, потребностью в типизации и начатках абстрагирования, а также в силу резкого возрастания фактора взаимодействия, значения для выживания вида мышления и речи, видимо, взял на себя левый мозг. Для него открылась и собственная экологическая и антропологическая ниша. Рефлекторные предпосылки общения переплавлялись в рефлексивно-социальные, в недрах эмоций зарождались чувства.

Поведение вовне и внутри социального пространства различалось самым существенным образом. Роль зверя оставалась за пределами жилища. В пещере, освещенной костром, происходил регламентированный табу дележ добычи и приготовленной из нее на огне пищи с детьми, стариками, больными, занятыми изготовлением орудий и оружия, а также другими полезными для остальных делами. Внутри жилища зарождались отношения совместной собственности, вне его стен – захватной и обороняемой, монопольной и эксклюзивной, одним словом, в буквальном, первородном смысле – приватной (от латинского *privare*, что значит «лишать») собственности, связанной с отстранением от предметов, ею охваченных, всех других реальных и потенциальных конкурентов. Эрих Фромм сказал бы о фундаментальных различиях между двумя способами существования: в пещере и вне ее. Именно совместное проживание в едином пространстве, обустроенном своими руками, способствовало переплавке в поначалу слабо осознаваемые традиции наиболее социальных стадных инстинктов. Вызванное искусственным дистанцированием от круглосуточного соприкосновения с зоологическим окружением и дискомфортными гримасами климата раздвоение эмоций представляется следующим образом: «С одной стороны, неизбежная агрессивность во время охоты, с другой – мягкость, нежность и взаимопомощь в пещерной среде. Эти два феномена, обусловленные биологической дифференциацией мужчины, женщины и ребенка, различным образом создавали оптимальные условия для укрепления и развития социальности, столь необходимой для выживания человеческого рода»¹.

Территория, названная немецкими этнографами жизненным пространством, конечно, имеет внешнее сходство с «территориальным императивом», который Роберт Ардри обнаружил в львиных прайдах Горонгозо (национальный парк на севере Мозамбика)², но принципиально отличается даже у самых архаических племен наличием

¹ Парсонс Т. Человек в современном мире. М.: Прогресс, 1985. С. 270.

² Ardrey R. *Adam kam aus Afrika*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1969; Ardrey R. *The Territorial Imperative. A Personal Inquiry into Animal Origins of Property and Nation*. New York: Atheneum, 1966.

механизмов социального регулирования отношений с соседями. Одной из простейших моделей такого рода регуляции дефицитных пространств выступает общий лес или иной участок земли. В лесах Итури – притока Заира – живут 35 тысяч *пигмеев-мбути*. Каждая группа занимает свою, строго определенную территорию, оставляя в центре лесов большой «ничейный» участок. Реликты запасной, заповедной территории – священного пространства – сохраняются и у народов, затронутых влиянием вестерн-цивилизации. «Вблизи многих деревень в краю *йоруба*, на западе Нигерии, сохраняются небольшие участки девственного леса. Туда не заходят женщины собирать хворост для домашнего очага, охотники не пугают укрывшуюся там дичь. Лишь голоса птиц да крики обезьян тревожат покой сырой, сумеречной чащобы», – такую картину рисует известный африканист В.Б. Иорданский, дополняя ее важной деталью: «Эти священные рощи окружены плантациями шоколадного дерева, полями маниоки и ямса. Они оберегаются как оазисы мифического, населенного духами пространства, оазисы древнего, не тронутого человеком дикого мира»¹.

Американский антрополог Роберт Лонэй в процессе изучения пространственно-временных отношений в среде народа *диула* в Кот д'Ивуар пришел к выводу об их теснейшей связи с половозрастной и общинной структурой. «Пространственные представления, – пишет он, – отражали различия между мужчинами и женщинами, старыми и молодыми, свободными и рабами (зависимыми). Право старшинства определяло права на все виды пространства: мечеть, рыночную площадь, мечте, где ткачи устанавливали свои станки, дома и территорию, к ним прилегающую... никогда пространство не было нейтральным, а всегда – высоко организованным, зависящим от многочисленных и различных по характеру отношений в общине». Даже внутри дома для проведения ритуальных собраний, носящем у *диула* название «*брон*», порядок распределения пространства, по сути дела, был «слепок социальных отношений». Большая и лучшая его часть предназначалась мужчинам старшего поколения. От возраста человека зависело не только его право войти в *брон*, но и то, каким образом он должен это сделать, ибо одна из дверей предназначалась для старших, другая – для молодежи. Старейшины деревни, где проходило ритуальное собрание, располагались в центре, а представители других деревень (их присутствие было необходимым для многих церемоний) садились по сторонам от них. Тот, кто занимал неправильное место, мог быть наказан (вплоть до смерти) сверхъестественным образом, обычно духами предков или божеством. Социальное пространство по-разному воспринималось (психологический аспект) и использовалось (социально-экономический ракурс). Его разделение обычно связано с принадлежностью к определенному роду. Но сама дифференциация пространства могла быть незримой: «Лабиринт хижин и тропинок между ними был буквально пронизан сетью невидимых и непостоянных границ»².

Речь идет о пространственных представлениях и отношениях в среде динамичного торгового этноса. Но и в них просматриваются блики прошлого, в частности, традиционная иерархия видов пространства: общественного (дом для ритуальных собраний, священные рощи, где совершаются обряды инициаций, кладбища – место обитания духов предков), резервного земельного и лесного фонда, обрабатываемых и нетронутых земель, личного, основанного на праве займки и потом нередко переходящего в общинный фонд. Предметом особого внимания остаются также торговые пути и тайные тропы контрабандистов, которые охраняют от непосвященных наводящие священный ужас на окрестное население тайные ритуальные общества, носящие названия хищников (пантеры, леопарда, крокодила) либо других крупных животных, нападающих на человека (например, буйвола).

Предпосылки зарождения отношений собственности

Поскольку пространство-территорию нельзя унести с собой, первой зародившейся формой собственности на общественную хижину, обработанный участок земли, рошу, водный источник и иную недвижимость было пользование ими, более или менее гарантированное от претензий соседей. Распоряжение ими осуществлялось старейшинами рода и племени, исходя из общих интересов и в соответствии с заветами мудрых предков. Предметами споров и войн с соседями были, как правило, претензии на территорию, захват скота и женщин. Институт собственности зарождался на спорных границах и служил первоначально ее защите от чужих. Еще зять К. Маркса Поль Лафарг акцентировал момент *пользования* в качестве «единственно возможного и понятного основания собственности у дикарей»³. Зарождение же концепции владения, как продленного и наперед гарантированного пользования либо распоряжения, связано с восприятием времени.

В Африке распространено трогательно-бережное отношение к земле как пространству, которое обеспечивает самым необходимым жизнь предков, современников и потомков. Бушмены отказались от организации на их территории коммерчески выгодных туристских маршрутов. Этнографы зафиксировали ситуации отказа делить землю общин и племен, ибо это – территория, общая для всех, как воздух, дождь, небосвод. В обыденной жизни связь и круговорот времен африканец видит в том, что ныне живущие, оказывая почести и жертвоприношения умершим,

Священной рощи Осун в окрестности города Осогбо (юг Нигерии). Почитаемый как место обитания богини плодородия Осун, входящей в пантеон богов народа *йоруба*, ландшафт включает рощу и протекающую здесь реку. Объект считается символом самоидентификации народа *йоруба* и, вероятно, является последней священной рощей этой культуры, иллюстрируя распространенный ранее обычай закладывать такую рощу около каждого поселения. Объект ЮНЕСКО. С caûma <http://whc.unesco.org/ru/list/1118>

¹ Иорданский В.Б. Хаос и гармония. М.: Наука, 1982. С. 333.

² Launay R. Spaces and Times Multiple Coordinates of Reality among the Dyula of Cote d'Ivoire // Пространство и время в архайческих и традиционных культурах. М.: Институт Африки РАН, 1996. С. 98–101.

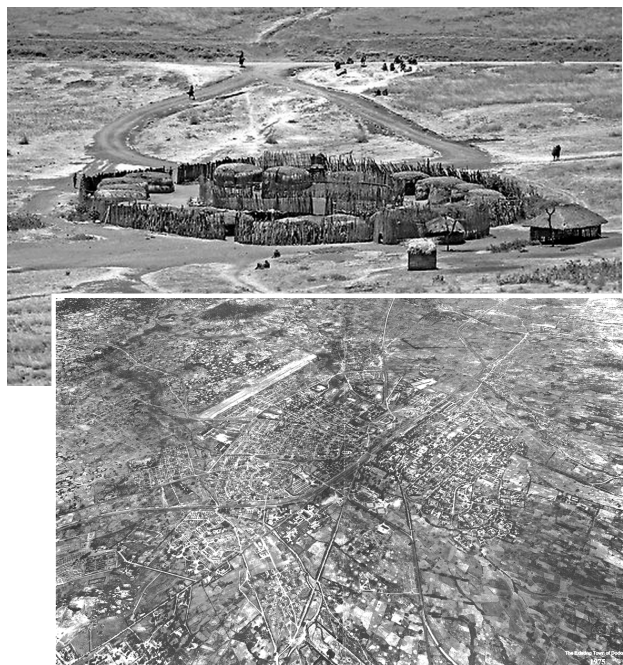
³ Lafargue P. *La propriété origine et evolution*. Paris, 1895, p. 344.

Мужчины-масай. Ассегаи тупым концом либо упираются в камни или ногу держащего, либо несколько приподняты над землей. Фото с сайта <http://www.artsology.com/blog/tag/maasai-tribe/>

Деревня догонов. Фото с сайта <http://the100.ru/world-citiz/holly-village-dogon.html>

Деревня масай (верхний снимок) и застройка г. Додона (нижний снимок). Фото с сайтов <http://www.redbubble.com/people/outthere/works/8119258-maasai-village> и <http://www.dodomaplan.com/drawings/dodomastartA.jpg>

способствует их благополучию в мире том. В свою очередь, прозорливые и благодарные предки при необходимости обязательно придут с советом и помощью не только к нынешнему поколению, но и к тем, кто еще не родился. Предки не сбрасывают со своих плеч и другие проблемы, встающие перед потомками, включая заботу о сохранении для них флоры и фауны, миропредставлений и ритуалов. Им всем принадлежит родная земля, а потому сама мысль о возможности ее раздела и приватизации – кощунственна. Иное дело – быть собственником деревьев и кустарников, растущих на общей земле или пасущегося на ней скота: ведь в их выращивание и уход за ними вложен труд конкретных индивидов и их семей. К тому же растения и животные не вечны: окончив свой жизненный путь, они уходят, как и люди, в отличие от неподвластной времени «вечно» общей собственности на землю. Отношение к земле как к ключевому, исходному фрагменту, как к ядру пространственного восприятия окружающего мира до сих пор обуславливает амбивалентные чувства африканского крестьянина – страх перед ее гневом (если неосторожно с ней обращаться), грозящим голодом и бескормицей (для скота), и надежда на ее благосклонность, помноженная на веру в ее могущество. Воинственные масаи и теперь опасаются вонзать свои копыта-ассегаи острием в землю, чтобы ее не поранить, а осторожно ставят их тупым концом, иногда

подкладывая камень или дощечку, что автор наблюдал в Танзании, Кении, Эфиопии. У народов этнической группы *акан* (Гана) зафиксирован обычай не работать по определенным дням, чтобы дать земле отдохнуть.

«Экологический подход (осознание себя не вне, а внутри природы) проявляется и в организации социального пространства, когда жилище и селение одновременно являются и прообразом Вселенной-Космоса и соотносятся с телом человека, – пишет Э.С. Львова. – У догонов принцип тождества человека и пространства воплощался в планировке всех деревень и отдельных жилищ. Селения догонов воспринималось как распростертое с севера на юг тело предка Номмо. Голова – мужской дом ("тогу на"); на "груди" – "жинна", в районе "сердца" помещался дом старейшины; по краям селения – "руки" и "ноги" – жилища "нечистых" женщин, ремесленников, имеющих дело с железом, деревом, кожей, кузнецов, гриотов – сказителей – все это представители низших каст. Этот народ подчеркивал также вечность, а, следовательно, непрерывное воспроизводство народа – среды – пространства – природы – человека еще и тем, что расположенные в центре селения мелкие святилища и площадки, где днем работали ткачи, вечером проходили встречи, вершился суд, символизировали мужские и женские гениталии»¹. Кстати, в планировке новой столицы Танзании города Додона четко прослеживаются контуры «круговой» масайской деревни типа крааля, символизирующей их представления о пространственной структуре мироздания.

Между тем, в мутной воде безвременья кое-кто ухитряется ловить золотых рыбок современного бизнеса на крючки прадедовских обычаев, касающихся, преобладания в местном менталитете пространственных представлений над временными. Наиболее ловкие и предприимчивые, но отнюдь не чистоплотные люди из числа «новых малийцев» спекулятивно подчеркивают свою якобы глубокую и искреннюю приверженность обычаям и заветам предков, используя привычный населению их авторитет, а также реальные родственные и сверстнические связи последних для того, чтобы как можно более незаметно подогреть к традиционной собственности и максимально эффективно использовать ее в целях корыстного личного обогащения.

¹ Львова Э.С. Культуры народов Тропической Африки вчера и сегодня: взаимодействие культур и тенденции развития. М.: Логос, 1996. С. 7.

Развитие чувства времени

Вопрос этот – глубоко философский. «Времени нет без человека», – констатирует в знаменитом эссе «Бытие и время» один из крупнейших философов XX в. Мартин Хайдеггер. Только что означает «нет без»? Человек создатель времени или его получатель? И если второе, то как человек получает время? Если человек сначала человек, чтобы потом по обстоятельствам, т.е. к какому-то определенному времени получить восприятие времени и встать в отношение к нему? Собственно время есть единая троякий просвет его протяжения близость присутствования из настоящего, осуществившегося и будущего, ибо «в бытии как присутствовании дает о себе знать такая вещь как время». Далее Хайдеггер, по существу, показывает, что в индивидуальном сознании точкой развертывания времени как субстанции, данной человеку извне как одно из ключевых условий его бытия и, вместе с тем, не дающейся ему в руки, выступает ныне существующая реальность: «Настоящее – называя его само по себе, мы уже думаем также о прошедшем и будущем, о Раньше и Позже в отличие от Теперь. Но настоящее, понятое от Теперь, совершенно не похоже на настоящее в смысле настоящего многолюдного праздника. Мы потому никогда не говорим и никогда не сможем сказать: это был "теперешний" праздник вместо "настоящий"»¹.

Возможно, таким был механизм генезиса восприятия времени первобытным человеком. Во всяком случае, даже самое элементарное выделение себя из времени опиралось на зачатки рефлексии, а значит, было связано со специфической функцией, адресованной эволюцией вербальному (левому в норме) полушарию головного мозга. Из этого вытекает бывшая предметом дискуссий в отечественной науке специфическая *человечность времени*, трактовка его субъективности именно в духе «собственности», принадлежащей лично субъекту – потенциальному стратегу собственной жизни, а не оценочно-субъективистскому истолкованию феномена времени, что в своё время резко затормозило развитие генетической теории личности.

Иначе говоря, человеческое время формировалось вместе с человеком и в известном смысле в нем самом, в его мозге. Исходное восприятие однородности времени как совокупности биоритмов организма и окружающей среды (космических / астрономических, климатических, гидрогеологических, биологических, химических, физических и т.п.) постепенно (по мере усвоения центральной нервной системой пространственных взаимоотношений) обогащается за счет выявления природной аритмии (смерть, болезнь, климатические катаклизмы, затмения, землетрясения, наводнения, извержения вулканов и т.п.) и отделения от настоящего вначале прошлого (в виде аккумуляции опыта), а затем и будущего. И если психическое освоение пространства ископаемыми предками имело физиологическим фундаментом развитие бинокулярного, стереоскопического, цветного зрения, то все более емкое восприятие ими временной структуры бытия опиралось на догоняющее развитие органов слуха и качественно новое место в их жизнедеятельности акустического фона среды и воспроизведения звуковых сигналов.

Конечно, осознание поначалу как бы стянутой в одну точку временной структуры бытия вызревало в рамках пространственных представлений (как локально-конкретных, так и абстрактно-космогонических) и лишь постепенно отслаивалось, отличалось, дистанцировалось от них. Но прежде, чем стать, а главное – быть осознанным в качестве такового, первичное время (гораздо более психологическое, нежели логическое, по характеру восприятия и типу отражения в биоэлектрических кодах мозговой ткани больших полушарий) длительный период прозябало на задворках пространственных представлений. Видимо, левое полушарие еще не могло переплавлять в абстрактно-вербальные формы животрепещущие и такие близкие образы ушедших из поля чувственного восприятия родных и соплеменников, но вклиненность его в процесс принятия решения содержало мощный гносеологический и деятельностный потенциал.

Кенийский профессор Дж. Мбити предпринял попытку построения африканской модели времени и места представлений о нем в структуре архаического менталитета². Время для африканца и традиционного социума – простая совокупность событий (а не мерных единиц), которые были, происходят сейчас или вот-вот произойдут. То, что, по всей видимости, состоит в силу ритмов внешней или внутренней природы (например, сезон дождей, роды беременной женщины) примыкает к реальному времени как его потенциальная, в принципе неизбежная разновидность. Само же время в традиционных представлениях племени *кикуйя* включает две его разновидности, функционирующие параллельно. Правополушарное, осязаемое, насыщенное красками, образами, эмоциями, живыми впечатлениями и сопереживаниями, охватывает то, что прожито, прочувствовано, хранится в памяти, либо непосредственно грядущие события, например, инициация, празднество или какой-то важный ритуал. Это конкретное микровремя носит название *саса*. Так же называется охотничья сумка с атрибутами охоты либо самыми ценными кусками добычи. Напротив, левополушарное, вербально-логическое время, охватывает то, что воспринимается как давно прошедшее, время предков и их духов, сказаний и мифов, включая космогонические, и иные представления о появлении людей и социума. Это макровремя называется *замани*.

Саса индивида меньше, чем саса всей совокупности ныне живущих. Чем старше человек, чем больше событий он непосредственно пережил и помнит, тем больше его саса, тем ближе он к заветному замани. Но даже физическая смерть не переводит его автоматически в сферу замани. Лишь полностью порвав с чувственным образом, хранящимся в сознании потомков, что связано обычно со сменой поколений, знавших его лично, память о нем сакрализуется; он из предка превращается в духа, чья законная обитель – вождленное потустороннее замани. Посюстороннее саса как бы ввинчивается в потустороннее замани, достигая его и растворяясь в нем, будто река, впадающая в море. Но само время саса тоже весьма своеобразно и многослойно, напоминая своего рода хронологический сэндвич. К тому же саса обладает, в отличие от монолитного замани, известной эйнштейновской гибкостью. Оно легко претерпевает трансформацию стягивания и расширения. И изгибается, как лист Мёбиуса,

¹ Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 401, 397.

² Mbiti J.S. *African Religions and Philosophy*. Garden City, New York: Doubleday and Company, 1970; Mbiti J.S. *Concepts of God in Africa*. London: SPCK, 1970. См. также: Harvey D. "Between Space and Time: Reflections on the Geographical Imagination." *Annals of the Association of American Geographers* 80.3 (1990): 418–434; Nobles W. *African Psychology: Toward Its Reclamation, Reascension, and Revitalization*. Oakland, CA: Black Family Institute Publications, 1986; Myers L.J. *Understanding an Afrocentric Worldview: Introduction to an Optimal Psychology*. Dubuque, IA.: Kendall and Hunt, 2010.

не прерываясь, а переходя из одной реальной временной субстанции в другую, например, в ритмике смены поколений и периодического обновления «населения» традиционного социума. Время в сознании африканцев конкретизировано, связано с явлениями природы, сезонами, движением луны и солнца, с практической жизнью людей. В мифологическом сознании нет понятия необратимости времени, оно движется в обоих направлениях. Прошлое не потеряно для настоящего и находится с ним в неразрывном единстве. Настоящее может даже активно влиять на прошлое, на существование ушедших в небытие поколений путем жертвоприношений.

Словом, для большинства африканцев восприятие времени, как правило, бедно впечатлениями и ассоциациями, сплющено до элементарного различия того, что было, – «давно» – и того, что есть, – «сейчас». Всякие новации заведомо нежелательны, ибо рожают риск нарушения заведенного мудрыми предками "нормального" порядка вещей, а потому кандидаты, обещающие избирателям улучшение жизни, до сих пор проваливаются на выборах, а депутатами становятся защитники традиций предков. Соответственно, связанные с учетом временного фактора отложенный спрос и отсроченное потребление, дача в долг и жизнь взаимны (например, кредитование), столь типичное для Запада, мало известны Африке, по крайней мере, за пределами городов. Время африканцем и сегодня воспринимается под углом зрения достаточно комфортной вписанности в ритмы внешней природы и внутренней жизнедеятельности.

Представителю промышленной цивилизации африканский мир «без времени» кажется неправдоподобным. В традиционном сознании преобладает пока что чувственно-ассоциативное, художественно-образное восприятие времени как своего рода живого, но невидимого Существа, как некой перцептивно не воспринимаемой Субстанции, специфического фрагмента вездесущей Природы. Времени придается, когда оно становится объектом внимания, в большей степени поэтическая, нежели рациональная окраска. «Песня в сумраке» великого африканского поэта Леополяда Сенгора начинается характерным образом: «Птица Времени, белый морской орел несет меня на континент из чужого французского "сегодня" в родное африканское "всегда"»¹.

Как-то в дружеской беседе с Послом Мали, бывшим министром высшего образования и науки своей страны профессором Абдулаем Дансоко возникла тема традиционного отношения ко времени. «Наши крестьяне, – сообщил он, – смотрят на солнце, а не на часы. Даже многие чиновники и другие городские жители еще толком не усвоили астрономического и математического значения времени, и с этим приходится считаться. Я – выходец из сельской местности. У нас в деревне и в семье было естественное отношение ко времени, диктуемое ритмами природы». А затем удивил меня фразой, звучавшей в духе известного афоризма одного из французских королей: «Время – это Я, но ему не дано "иметь меня", распоряжаться мною. Его нельзя игнорировать, с ним надо считаться, но не стоит попадать к нему в кабалу, становиться рабом неодушевленной часовой стрелки». Есть над чем задуматься! Народная мудрость глубока и оригинальна!

Вообще говоря, переход к психологической дифференциации и чувству времени объективно обусловливается необходимостью (связанной с усложнением хозяйственных процессов и коммуникативных связей) и возможностью (имеется в виду, эволюция головного мозга и, прежде всего, его левого полушария, ибо события прошлого и тем более будущего органолептическим образом, перцептивно, чувственно не воспринимаются: в этом смысле они – за пределами сновидений, фантазии, представлений – доступны лишь вербальной, то есть абстрактной и абстрагирующей фиксации) такого рода трансформации сознания в диалектическом единстве его внешних стимулов и внутренних предпосылок. Во всяком случае, у собирателей и охотников, ведущих примитивное присваивающее хозяйство, жесткая вписанность жизнедеятельности в природные циклы, в очень незначительной степени может стимулировать потребность в развитии временных представлений и специальных приемов (средств) ориентации во времени. Скажем, начало работ и их окончания определяются как непредвиденными обстоятельствами, так и личными побуждениями, состоянием здоровья, настроением и т.п. Отсутствие временных императивов делает ненужным специальную фиксацию хронометрического деления дня. В архаическом сознании время еще не отделилось до конца от событий, от всего того, что составляет ежедневные будничные заботы и хлопоты.

Короче говоря, вначале временные представления отслаивались от пространственных, нередко дополняя их, лишь в экстремальных ситуациях. Время как бы раздваивалось: на целиком погруженное в пространственные алгоритмы жизнедеятельности и выплетавшееся из них. К нему применим гегелевский образ сфинкса: из тела животного вырастает голова человека. Совсем не напрасно Гегель считал антиномию пространства и времени своего рода осью разветвления духа, творившего всемирную историю. Последняя «есть вообще проявление духа во времени, подобно тому как идея, как природа, проявляется в пространстве», – писал он в «Философии истории», видя именно в феномене времени некое *орудие всемирного духа*, вечный двигатель исторического процесса: «...пространственной прочности противостоит форма времени». Последняя, пробиваясь сквозь наслоения повторений, позволяет истории выйти за пределы «все еще... бессознательной связи, существующей благодаря кровному родству, за пределы естественных сторон первоначальной основы»². Время подтачивало, а затем – взламывало некогда прочную устойчивость пространственно-циклических социумов потому, что в их повторяемость по теории вероятности всегда встревала хотя бы песчинка нового, неведомого, непредвиденного. Постепенно накапливаясь, эти новации обуславливали собой, а затем – кризис функционирования консервативных систем, что отражалось неконтролируемым образом на изменениях элементов и/или связей исходных цивилизационных структур.

Мозг, время, власть

Первичная власть формировалась, по моему мнению, как распоряжение конкретным временем саа дру- гих индивидов и возрастных групп (даже если речь шла о традиционных видах работ) от имени священного *замани* его хранителями старейшинами, ближе всех стоящих к сонму мудрых предков и лучше всего могу-

¹ Senghor L.S. *Chants d'Ombre et Hosties Noires*. Paris: Seuil, 1956.

² Гегель Г.В.Ф. *Философия истории* // Соч. Т. VIII. М. – Л.: Соцэкгиз, 1935. С. 69, 100, 41.

щих выразить их волю. Такой подход в принципе позволяет включить в исследование механизма генезиса координации и управления поведением различных групп, составлявших традиционный социум, факторы не столько экономические (кстати, едва ли определяющие в эпоху борьбы за элементарное биологическое выживание), сколько психологические.

Субъект властвования еще не был жестко персонализирован, но уже наметился круг, из которого он вскоре должен будет выйти, чтобы сесть на пень, игравший роль допотопного трона. Харизма, выраставшая на плечах культа предков, населявших замани, еще уравнивалась *обычаем палабра* (первобытного парламентаризма), в рамках которого все взрослые обладатели времени саса (обычно под священным баобабом) обсуждали животрепещущие вопросы своей жизни вплоть до достижения полного согласия, демонстрировавшего единство живущих перед лицом предков и потомков.

Анализ взаимодействия *чувственного саса* и *ментального замани* проливает свет на «человеческие» аспекты лидерства и подчинения, которые при абстрактно-логическом анализе теряются в дебрях силлогизмов. Властвование — процесс неизменно обоюдный, включающий в себя хотя бы самую элементарную рефлекссию, заключающуюся в том, что обладатель власти и подвластный понимают основание противоположности своих социальных ролей. Поэтому исследовать генезис власти в контексте комплексной проблемы человека без учета философской антропологии и теории цивилизаций, законов психологии и специфики эволюции человеческого мозга в известном смысле некорректно.

По мере того, как внешняя последовательность событий и процессов становилась внутренним психологическим временем индивида, регуляция которого могла исходить не только извне по отношению к нему, но и изнутри в виде потребностей, желаний, воли субъекта, переживающего эмоционально и оценивающего в понятиях события, действия, их результаты, именно она становится предпосылкой выявления им казуальных, причинно-следственных отношений объективного мира.

Конечно, эта субъективная воля не существовала и не витала над реальностью сама по себе. Она была жестко ориентирована на свое место, роль и функции в традиционном социуме и его конкретных модулях, на деятельность, протекавшую не только в пространстве, но и во времени, а стало быть, планомерную, прогнозируемую, регулирующую. А поскольку такая деятельность осуществлялась совместно индивидами, обладающими сознанием и волей, ее регуляция и координация разнонаправленных усилий предполагала различные эволюционно-исторические уровни властного распоряжения их временем как в сфере жизнеобеспечения, так и в осуществлении общественных дел церемониально-коммуникативного плана. Незримая власть замани, истоки которой сознание отдельного индивида не в силах уловить, представляется ему вечной, несокрушимой, фатальной. Отсюда — прочное убеждение в том, что каждое саса зиждется на скрытом в глубинах видимого мира энергетически неисчерпаемом и, естественно, неуничтожимом замани. Захваченные старейшинами позиции вблизи замани обеспечивали почетную монополию эксклюзивного общения с ним и трактовки его потребностей.

Изначальной целью было отнюдь не корыстное желание повластвовать, а необходимость эффективного регулирования поведения членов первичного рода и складывавшейся вкупе с ним общины путем авторитетного и изобретательного манипулирования психологическими средствами их индивидуальным временем саса от имени предков в интересах всего коллектива. Сама власть поначалу выступала как распоряжение временем саса не только более младших возрастных групп, но и представителей зависимого пола, пришельцев, прибывших к группе со стороны осколков других родов и общин, а также захваченных в качестве военных трофеев женщин, детей, взрослых. В роли первичного властного субъекта фигурировала сакрализованная верхушка старейшин, выступавшая в качестве своего рода наследников первой руки системно-мифологизированного и населенного тотемными существами мира, включая космические объекты, *вечного* времени замани. Да и сами предки и их духи находились, как правило, невдалеке. Ведь те, кто умерли, не исчезли бесследно. Они — повсюду. В трепещущей листвою акации и толстом стволе баобаба, в стоячей озерной воде и в искрящихся брызгах водопада, в подземелье и фамильном склепе, в малолюдной саванне и в рыночной толпе, ибо умершие вовсе не умерли совсем и навсегда. Незримые и неслышимые, они все видят и слышат, могут помочь в добром деле и покарать отступника.

Словом, истоки властного авторитета коренились в окутанном замысловатыми ритуалами культе предков. Первые носители власти выступали как имитаторы их действий, как интерпретаторы происходящего от их имени, как исполнители их воли. Добавлю, речь идет о власти, не имеющей ещё иных средств принуждения, кроме морального авторитета и устрашения, психологического давления, а кроме того, выступающей в патронажной роли блюстителя общих интересов. Однако, при всей своей ограниченности и примитивности, архаическое время гуманнее, ближе к человеку, добрее к нему, снисходительнее к его личным качествам, желаниям, слабостям, к трудности сосредоточения внимания на абстрактном феномене, каким является обезличенное время, порожденное индустриальной цивилизацией, господствующее в городах, учреждениях, на общественном транспорте. Вместе с тем, есть определенный смысл в индивидуализированном, рассудительном, неторопливом восприятии времени, заимствованном у традиционных цивилизаций, в качестве психологического противовеса беспросветной суете крысиных гонок на выживание с оттеснением конкурентов, отставших, ошибившихся, нерасторопных, обманутых и т.п. в сфере не только бизнеса, финансов, коммерции, но также куль-

Собрание под баобабом. Фото с сайта
<http://www.kabissa.org/categories/events>

туры, науки, техники, досуга и просто наслаждений. Надеюсь, зарождающаяся глобальная цивилизация сможет синтезировать специфическую гуманистическую *вневременность* традиционной и деловую *супервременность* индустриальной эпохи в гармоничную форму восприятия времени, адекватную психофизиологической и нравственно-культурной сущности человека и социума.

Такой мультидисциплинарный подход позволяет с философских позиций выявить эволюционно-историческую связь естественно-природных предпосылок бытия с социально-экономическими аспектами сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
2. Андреев И.Л. Связь пространственно-временных представлений с генезисом собственности и власти // Вестник РАН. 2005. Т. 75. № 3. С. 242–249.
3. Арсеньев В.Р., Маслов А.А. Опыт полевой работы в Мали в 1996–1997 годах // Бюллетень Центра африканских исследований СПбГУ. СПб.: СПбГУ, 1997. С. 11–13.
4. Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Соч. Т. VIII. М. – Л.: Соцэкгиз, 1935.
5. Иорданский В.Б. Хаос и гармония. М.: Наука, 1982.
6. Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М.: Наука, 1988.
7. Львова Э.С. Культуры народов Тропической Африки вчера и сегодня: взаимодействие культур и тенденции развития. М.: Логос, 1996.
8. Парсонс Т. Человек в современном мире. М.: Прогресс, 1985.
9. Спрингер С., Дейч Г. Левый мозг, правый мозг. М.: Мир, 1983.
10. Сундьята. Мандингский эпос / Предисл. и прим. Д.А. Ольдерогге. М. – Л.: Художественная литература, 1963.
11. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
12. Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1986.
13. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993.
14. Эванс-Причард Э.Э. Нуэры: Описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов / Отв. ред. и авт. предисл. Л.Е. Куббель. М.: Наука, 1985.
15. Allan T., Fleming F., Phillips C. *African Myths and Beliefs*. New York: Rosen Publishing Group, 2012.
16. Ardila A. "Historical Evolution of Spatial Abilities." *Behavioral Neurology* 6.2 (1993): 83–87.
17. Ardrey R. *Adam kam aus Afrika*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1969.
18. Ardrey R. *The Territorial Imperativ. A Personal Inquiry into Animal Origins of Property and Nation*. New York: Atheneum, 1966.
19. Carmichael D.L., Hubert J., Reeves B., Schanche A., eds. *Sacred Sites, Sacred Places*. Oxford: Routledge, 2013.
20. Dawson J. "Cultural and Physiological Influences Upon Spatial-Perceptual Processes in West Africa. Part I." *International Journal of Psychology* 2.2 (1967): 115–128.
21. Eisler A.D. "The Human Sense of Time: Biological, Cognitive and Cultural Considerations." *The Nature of Time: Geometry, Physics and Perception*. Eds. R. Buccheri, M. Saniga, and W. Stuckey. Dordrecht: Kluwer, 2003, pp. 5–18.
22. Evans-Pritchard E.E. "Nuer Time-Reckoning." *Africa* 12.02 (1939): 189–216.
23. Evans-Pritchard E.E. *Right & Left: Essays on Dual Symbolic Classification*. Ed. R. Needham. Chicago: University of Chicago Press, 1973.
24. Frazer J.G. *Myths of the Origin of Fire*. New York: Hacker Art Books, 1974.
25. Gluckman M. *Politics, Law and Ritual in Tribal Society*. New Brunswick, NJ: Aldine Transaction, 2012.
26. Grint K. "The Sacred in Leadership: Separation, Sacrifice and Silence." *Organization Studies* 31.1 (2010): 89–107.
27. Harvey D. "Between Space and Time: Reflections on the Geographical Imagination." *Annals of the Association of American Geographers* 80.3 (1990): 418–434.
28. Lafargue P. *La propriété origine et evolution*. Paris, 1895.
29. Launay R. Spaces and Times Multiple Coordinates of Reality among the Dyula of Cote d'Ivoire // Пространство и время в архаических и традиционных культурах. М.: Институт Африки РАН, 1996. С. 98–101.
30. Leroi-Gourhan A. *Prehistoire de la l'art occidental*. Paris: Mazenod, 1965.
31. Marcus G.E. "Ethnography in/of the World System: The Emergence of Multi-Sited Ethnography." *Annual Review of Anthropology* 24 (1995): 95–117.
32. Mbiti J.S. *African Religions and Philosophy*. Garden City, New York: Doubleday and Company, 1970.
33. Mbiti J.S. *Concepts of God in Africa*. London: SPCK, 1970.
34. Myers L.J. *Understanding an Afrocentric Worldview: Introduction to an Optimal Psychology*. Dubuque, IA.: Kendall and Hunt, 2010.
35. Niane D.T. *Soundjata ou l'épopée mandingue*. Paris: Présence Africaine, 1960.
36. Nobles W. *African Psychology: Toward Its Reclamation, Reascension, and Revitalization*. Oakland, CA: Black Family Institute Publications, 1986.
37. Nobles W. *Seeking the Sakhu: Foundational Writings for an African Psychology*. Chicago, IL: Third World Press, 2006.
38. Pyne S.J. "Pyric Other, Pyric Double: Fire Tame, Fire Feral, Fire Extinct." *Australian Humanities Review* 52 (2012): 199–203.
39. Senghor L.S. *Chants d'Ombre et Hosties Noires*. Paris: Seuil, 1956.
40. Tvedt T., Oestigaard T. "A History of the Ideas of Water: Deconstructing Nature and Constructing Society." *A History of Water. Series 2, Volume 1: The Ideas of Water from Antiquity to Modern Times*. Eds. T. Tvedt, and T. Oestigaard. London: Tauris, pp. 1–36.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Андреев, И. Л. Связь формирования представлений о пространстве и времени с генезисом собственности и власти (на опыте изучения африканских социумов) / И.Л. Андреев // Пространство и Время. — 2014. — № 4(18). — С. 80—88. Стационарный сетевой адрес 2226-7271prov_st4-18.2014.42